

Екатерина Лямина, Наталья Самовер
Крылов и многие другие:

ГЕНЕЗИС И ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЮБИЛЕЯ В РОССИИ¹

Ekaterina Lyamina, Natalia Samover

Krylov and Many Others: Genesis and Meaning of the First Literary Jubilee in Russia

Екатерина Лямина (НИУ ВШЭ; профессор Школы филологии факультета гуманитарных наук; канд. филологических наук) eliamina@hse.ru.

Наталья Самовер (Сахаровский центр; независимый исследователь) natalia.samover@gmail.com.

Ekaterina Lyamina (HSE; professor, School of Philology, Faculty of Humanities; PhD) eliamina@hse.ru
Natalia Samover (The Sakharov Center; independent scholar) natalia.samover@gmail.com.

Ключевые слова: русская литература 1820–1830-х годов; самосознание литературного сообщества; профессионализация литературы; государствление; литературный юбилей

Key words: Russian literature 1820–1830; literary community; appropriation by the State (*ogosudarstvlenie*); literary jubilee

УДК: 821.161.1

UDC: 821.161.1

Статья посвящена празднику в честь 50-летия литературной деятельности И.А. Крылова (1838), рассмотренному как точка кристаллизации самосознания литературного сообщества и момент признания его значимости государством.

The study is focused on genesis of idea of celebrating the 50th anniversary of I.A. Krylov's literary activity (1838) interpreted as an important point in the evolution of self-imagining of the literary community in Russia.

Пятидесятилетие литературной деятельности И.А. Крылова, торжественно отпразднованное в Петербурге 2 февраля 1838 года, является одним из самых известных эпизодов биографии поэта и занимает уникальное место в отечественной культуре как первый писательский юбилей. Тем не менее генезис самой идеи этого праздника и разнообразие его смысловых аспектов еще не становились предметом специального исследования.

История «юбилейной культуры» сравнительно недавно приобрела статус отдельной темы в рамках изучения исторической памяти в целом. Внимание ученых преимущественно обращено на государственные и исторические юбилеи (характерный пример — см.: [Müller et al. 2003]) и в гораздо меньшей степени — на юбилеи частные (см., например: [Münch 2005: 171–222]). Работы, посвященные культуре юбилеев и коммеморации в России XIX века, стали выходить только в последние годы (см. в особенности: [Цимбаев 2012: 332–334]; [Аржанов 2011: 95]). Крыловский юбилей представляется нам удобной «смотровой площадкой», позволяющей одним взглядом охватить широкий куль-

---

1 Статья написана в рамках научного проекта №14-01-0205, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014–2015 годах.

турный ландшафт, содержащий в себе множество взаимосвязанных явлений, которые, несомненно, заслуживают дальнейшего углубленного изучения.

1

К 1830-м годам русская культура обладала обширной традицией официальных массовых празднеств — церковных, а также приуроченных к династическим событиям и военным победам. Особенно богата такими праздниками была культура Санкт-Петербурга (об этом см.: [Келлер 2001]; [Уортман 2002]).

В то же время Москва, вторая, менее официозная столица, знала примеры иных праздников, связанных с чествованием частных лиц. Весной 1806 года там с необычайной торжественностью принимали генерала П.И. Багратиона. Во многих домах в его честь устраивались балы и театрализованные представления; вершиной триумфа стал парадный обед на 350 персон, данный Английским клубом 3 марта 1806 года (см. прежде всего: [Жихарев 1955: 195—198]). «Есть у нас Багратионы, / Будут все враги у ног!» — пелось в приветственной кантате на стихи П.И. Голенищева-Кутузова. Общественное чествование героя трагических сражений при Шенграбене и Аустерлице явилось не только манифестацией патриотических чувств московской аристократии, но и косвенным выражением ее недовольства итогами борьбы с Наполеоном. То, что праздник состоялся в закрытом пространстве клуба, а равно его массовость и громкий резонанс недвусмысленно давали понять верховной власти, что в России существует лояльное, но достаточно независимое общественное мнение.

Прошло более четверти века, прежде чем подобное яркое событие повторилось. 12 апреля 1833 года в том же Английском клубе состоялся торжественный обед в честь военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына. В великолепно убранном зале в присутствии 320 гостей в его честь были исполнены хвалебные куплеты. Праздник стал выражением признательности всех сословий генерал-губернатору за восстановление и развитие Москвы после пожара 1812 года. Формальным поводом, впрочем, послужило избрание Голицына почетным старшиной клуба, и это позволило удержать празднество в его стенах (см.: [Извлечение 1889: 95—96]; [Молва 1833: 173—176]).

Фактически продолжением этого чествования год спустя стало поднесение Голицыну Московским купеческим обществом его мраморного бюста на роскошном постаменте, выполненного знаменитым скульптором И.П. Витали. Парадный обед на 150 кувертов по этому поводу был дан в Купеческом собрании 20 мая 1834 года (см.: [Сторожев 1916: 398—404]; [Описание торжества 1834]). Так купечество старой столицы отблагодарило генерал-губернатора за его мудрые распоряжения во время холерной эпидемии 1830 года. Медлительность подготовки в данном случае оказалась следствием общественного характера чествования. Средства для изготовления необычного подарка популярному среди москвичей градоначальнику собирались по подписке, высочайшее разрешение на которую было дано еще в 1832 году².

2 Поднесение такого «памятника» «начальствующему лицу» от имени подведомственного ему населения было разрешено в виде исключения. Соответствующий сенатский указ от 9 марта 1832 года см.: [ПСЗ 1832: 135—136].

Следующее публичное чествование частного лица не заставило себя долго ждать. В начале 1836 года в настоящий общественный триумф вылилось возвращение в Россию К.П. Брюллова — первого русского художника, снискавшего европейскую славу своим «Последним днем Помпеи». В крупнейших городах его встречали торжественными приемами, устроенными по подписке: 2 января в Одессе, в клубе, и 28 января в Москве, в зале Художественного класса. Оба эти события, на которых присутствовали аристократия, меценаты и сановники, подробно освещались в одесских и московских газетах [ОВ 1836: 13—16]; [МВед 1836: 229—230]. В Одессе на обеде председательствовал сам генерал-губернатор граф М.С. Воронцов; в Москве празднество носило менее официальный характер. О патриотическом одушевлении его участников свидетельствует строфа из куплетов, исполненных в честь виновника торжества:

Искусства мирные трофеи
Ты внес в отеческую сень —
И был Последний день Помпеи
Для русской кисти первый день!

[МВед 1836: 229]³

Характерно, что абсолютное большинство участников как одесского, так и московского праздника не видели самой картины: «Последний день Помпеи» был доставлен морем в Петербург еще в 1834 году. Восторженные приветствия относились всецело к репутации художника, чей успех интерпретировался как достижение России, которая таким образом в художественном отношении поднялась на один уровень с ведущими державами мира.

Апофеозом празднеств в честь русского искусства закономерно должно было стать чествование Брюллова в петербургской Академии художеств 11 июня 1836 года, однако там праздник был низведен до уровня внутриакадемического события и лишен общественного модуса⁴. Открытая подписка для сбора средств не объявлялась; в сущности, это был корпоративный званый обед, аналогичный торжественным обедам Английского клуба, но еще более закрытый. Если в клуб помимо членов допускались еще гости, то в залах Академии художеств присутствовали только художники, учащиеся и служащие самой Академии, а из посторонних — лишь Жуковский и Крылов как «почетные вольные общники». Ни вельможи, ни светские люди приглашены не были. Даже исполнение сочиненных на этот случай «стансов» было доверено «своим» — певцам и музыкантам из числа учеников Академии. Несмотря на торжественность этого праздника, «какому не было еще примера в летописях Санкт-Петербургской Академии художеств» [Брюллов 1952: 115], столичные газеты и журналы ничего о нем не сообщили⁵.

---

3 Авторство этой строфы иногда без достаточных оснований приписывается Е.А. Баратынскому.

4 В этом сказались высочайшее недовольство поведением художника, который, в 1834 году получив профессорское звание, не торопился возвращаться в Петербург к своим новым обязанностям.

5 Единственное исключение — запоздалые десять строк в «Художественной газете», начавшей выходить в сентябре того же года [ХГ 1836: 16]. Обещание издателя, Н.В. Кукольника, вскоре более подробно осветить «обстоятельства, сопровождавшие праздник русских художников», не было исполнено.

Несколько месяцев спустя, в конце того же 1836 года, праздник в честь композитора М.И. Глинки, чья «Жизнь за царя» стала первой национальной оперой европейского уровня⁶, прошел так же незаметно для широкой публики, несмотря на успех премьеры и ее высочайшее одобрение. В отличие от художников, русские музыканты не имели корпоративной институции, подобной Академии художеств; вследствие этого чествование Глинки состоялось в частном доме, в дружеском кругу. 13 декабря на обеде у А.В. Всеволожского по традиции, установившейся для подобных торжеств, композитора приветствовали исполнением сочиненных в его честь куплетов. В данном случае это был канон на музыку В.Ф. Одоевского «Пой в восторге, русский хор», слова для которого написали Мих. Ю. Виельгорский, П.А. Вяземский, Жуковский и Пушкин. Спустя два дня это шутивное приношение было с дозволения цензуры опубликовано отдельной брошюрой — тем все и ограничилось.

Очевидно, что в Петербурге разрозненные попытки чествования частных лиц даже за достижения явно патриотического характера не получали той поддержки властей, которая позволила бы им превращаться в общественно значимые события. В рамках официальной праздничной культуры, сосредоточенной на прославлении деяний самодержца, просто-напросто отсутствовал формат для публичного признания частных заслуг.

2

Между тем в России уже начала приживаться заимствованная традиция, позволявшая отчасти решить эту проблему. «С некоторых пор у нас вводится обычай, давно уже существующий в Германии и вообще за границу, праздновать 50-летние юбилеи заслуженных и почему-либо приобретших общую известность лиц», — записывал М.А. Корф в дневнике 22 января 1839 года [Корф 2010: 250]. Отметим, что речь шла не о круглых датах со дня рождения, а о юбилеях профессиональной деятельности.

Стоит уточнить, что названный обычай был распространен почти исключительно в Германии. Торжественного чествования по поводу 50-летия службы удостоивались государственные деятели, военные, духовные лица, а также врачи. Непременным условием было пребывание юбиляра по-прежнему у дел, а не в отставке, что делало подобные праздники исключительно редкими. Наиболее известно торжество по случаю 50-летия службы Гёте при веймарском дворе, устроенное 7 ноября 1825 года. Атрибутами юбилеев были поздравительные куплеты (кантата) или стихотворное приветствие, иногда печатавшиеся отдельным изданием, разнообразные подарки и, зачастую, памятная медаль⁷. Инициаторами подобных праздников могли выступать профессиональные корпорации, университеты или верховная власть, но в любом случае подчеркивалось, что многолетняя деятельность юбиляра носила общественно полезный характер.

6 Такое понимание заслуг Глинки отразилось в двустииши, приписываемом Кукольникову и якобы сочиненном непосредственно после премьеры: «С ним музыки русской зарделась заря, / Забыт он не будет, как “Жизнь за царя”» (подробнее см.: [Штейнпресс 1950: 125–126]).

7 См., например, медали, выбитые в честь 50-летних юбилеев пастора Г. Петри (1748), Гёте (1825, 1826), врача Х.В. Гуфеланда (1833), генерала К.Ф.Х. фон Лоттума (1834) и др.

Продолжая приведенную выше запись, Корф отмечал, что «чуть ли не первый пример, по крайней мере на нашей памяти, *публичного* празднества такого рода, сделавшегося *официальным* через участие (разумеется, милостями, а не лично), которое принял в нем Государь, был юбилей профессора Загорского <...>. После праздновали уже таким же образом юбилей доктора Рюля» ([Корф 2010: 250]; курсив автора. — *Е.Л., Н.С.*).

Действительно, в России первыми стали отмечать юбилеи именно врачи. 2 ноября 1836 года в Петербурге, в зале Дворянского собрания в доме Энгельгардта был дан праздник в честь 50-летия врачебной службы упомянутого Корфом П.А. Загорского — выдающегося анатома и физиолога, члена Императорской академии наук и Российской академии (подробности см.: [Пятидесятилетие 1838]). В парадном обеде приняло участие более 160 человек. Помимо многочисленных коллег и учеников юбиляра присутствовали несколько членов обеих Академий, в том числе Пушкин, а также Крылов и ряд литераторов, которые вскоре будут причастны к его собственному юбилею, — Н.В. Кукольник, М.Е. Лобанов, П.А. Плетнев и другие. А 16 июля 1837 года в зале Заведения искусственных минеральных вод в Новой деревне состоялся второй подобный праздник: им врачебное сообщество отметило юбилей лейб-медика И.Ф. Рюля. В прошлом военный врач, он служил в учреждениях Ведомства императрицы Марии Федоровны и особенно много сделал в области лечения и призрения душевнобольных.

Оба праздника были тщательно подготовлены специальными комитетами, состоявшими из именитых коллег. Заранее организованные сборы средств по подписке⁸ позволили не только устроить торжественные обеды и поднести юбилярам ценные подарки, но и заказать на Санкт-Петербургском монетном дворе изготовление памятных медалей. В обоих случаях чествование происходило по одному сценарию: утром представители комитета посещали юбиляра на квартире, поздравляли его, в том числе от имени иногородних ученых обществ, и приглашали прибыть на банкет, устроенный в его честь. Тогда же юбиляру вручались высочайше пожалованные награды⁹. Спустя несколько часов празднование продолжалось многолюдным торжественным обедом с музыкой, речами и обязательным исполнением государственного гимна. При этом подносилась медаль и подарок (обычно — серебряная ваза с памятной надписью). Банкет завершался тостом за процветание врачебной корпорации.

Юбилейные праздники как любопытная культурная новинка привлекли к себе повышенное общественное внимание. Если о первом таком событии — юбилее «ученой и полезной службы» Загорского — поведал своим читателям только специализированный медицинский еженедельник [Друг здоровья 1836: 336], то подробное описание чествования доктора Рюля уже поместила, опережая «Друга здоровья» [Друг здоровья 1837: 240], самая популярная газета того времени «Северная пчела» (см.: [Никитин 1837]).

Традиция празднования профессиональных юбилеев не случайно проникла в Россию через врачебное сообщество. Таинственная сложность медицинской профессии, пограничной между ремеслом и искусством, и представ-

8 Так, в подписке на праздник в честь Загорского приняли участие 1190 человек — в абсолютном большинстве врачи, в том числе провинциальные.

9 Загорскому была пожалована украшенная бриллиантами табакерка с вензелем императора, Рюлю — орден Белого орла.

ление о ее высокой значимости со времен Средневековья способствовали формированию у врачей отчетливого группового самосознания, основанного на принадлежности к особой корпорации. Вместе с профессиональной культурой, включавшей понятие о репутации и уважение к заслугам коллег, это самосознание было усвоено и русскими медиками: среди них было много людей, получивших образование в европейских университетах, и учеников иностранных профессоров, преподававших в России¹⁰.

Среди всех профессиональных групп, существовавших на тот момент в русском обществе, включая военных, инженеров, художников и проч., врачи наиболее живо и полно ощущали себя как корпорацию; громкий резонанс «докторских» юбилеев способствовал тому, что идея была быстро подхвачена другими профессиональными сообществами.

Вслед за врачами на этот путь вступили литераторы. Формирование самосознания литературного сообщества в России еще ожидает своего исследователя¹¹, но несомненно, что крыловский юбилей стал для этого процесса важнейшей вехой.

3

К середине 1820-х годов в русском литературном быту возникло такое явление, как литературный обед. От частного дружеского застолья его отличала фигура организатора — человека, за которым молчаливо признавалось право собирать вокруг себя широкий круг литераторов вне зависимости от их отношений друг с другом. Такие обеды предполагали большое количество участников и превращались в своего рода «перемирия» между представителями литературных лагерей, на время забывавшими свою вражду. Первый подобный обед был дан издателями «Полярной звезды», А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылеевым, авторам этого альманаха 20 января 1824 года. На казенной адъютантской квартире Бестужева при Корпусе инженеров путей сообщения собрались «все почти литераторы»; среди них был и Крылов [Бестужев 1926: 61]¹². «Вид был прелюбезный, — сообщал Бестужев П.А. Вяземскому 28 января, — многие враги сидели мирно об руку, и литературная ненависть не мешалась в личную» [Бестужев 1958: 214]. Действительно, «Полярная звезда» сумела собрать под одной обложкой едва ли не всех известных писателей своего времени — от Грибоедова и Пушкина до Шаховского и Булгарина, и это сделало обед 20 января событием общелитературного масштаба.

Следующий обед такого рода был устроен издателем А.Ф. Смирдиным 19 февраля 1832 года. в связи с переездом его книжной лавки и библиотеки в новое роскошное помещение в доме Петропавловской лютеранской церкви на Невском проспекте. Там, в будущем читальном зале, собрались писатели, журналисты, художники-иллюстраторы и цензоры — всего более пятидесяти

10 Одним из проводников европейских традиций врачебной корпорации в России служило Немецкое врачебное общество, основанное в Петербурге в 1819 году.

11 Наиболее энергичные подступы к этой проблеме — [Гриц, Тренин, Никитин 1929]; [Рейтблат 2014].

12 В «Полярной звезде» на 1823 год была напечатана басня Крылова «Крестьянин и овца», на 1825-й — басни «Ворона» и «Мельник».

человек. Почетное место за столом, где лиц, далеких от литературы, не было, занимал Крылов.

Несмотря на, казалось бы, частный характер, этот праздник удостоился описания в столичных газетах. «Небывалое на Руси пиршество» — так определил новоселье Смирдина безымянный автор «Русского инвалида» (по-видимому, А.Ф. Воейков) [РИнв 1832: 183]. «Единственное и первое в России празднество»; «...веселость, откровенность, остроумие и какое-то безусловное братство одушевляли сие торжество», — вторил ему Н.И. Греч, один из организаторов праздника [Греч 1832: Л. 10б—2]. «Первый не только в Петербурге, но и в России по полному (почти) числу писателей пир и, следовательно, отменно любопытный; тут соединились в одной зале и обиженные и обидчики, тут были даже ложные доносчики и лазутчики», — записал другой участник обеда, М.Е. Лобанов [КВС 1982: 91].

Этот праздник по своему значению вышел далеко за пределы своей ближайшей цели — продвижения коммерческого предприятия Смирдина. По сути, сообщество литераторов чувствовало самое себя и отечественную литературу в целом. Об этом говорит порядок здравиц: уже в первом тосте, традиционно поднятом за государя, подчеркивалось, что он, даровав России новый цензурный устав, стал «воскресителем русской словесности»¹³. Далее шли тосты в честь писателей XVIII века, затем — писателей-современников по старшинству, включая отсутствующих. Крыловым был провозглашен особый тост за московских литераторов. Последний бокал выпили «за здоровье всех нынешних писателей <...> читателей и покупателей»¹⁴. Так очерчивалось единое пространство российской словесности, в которое включались как давно почившие предшественники, так и все ныне живущие русские писатели; в него же входили и августейшие покровители литературы, и рядовые ее потребители. Неслучайна и «гордость при виде русских книг, до 16000 творений заключающих», которую, по словам «Русского инвалида», испытывали гости, находившиеся в помещении библиотеки Смирдина.

Во время обеда ту же мысль об историческом единстве русской литературы выразил Д.И. Хвостов. Престарелый 75-летний поэт приветствовал хозяина праздника небольшим стихотворением «На новоселье А.Ф. Смирдина»:

Угодник русских муз! свой празднуй юбилей;
 Гостям шампанское для новоселья лей.
 Ты нам Державина, Карамзина из гроба
 К бессмертной жизни вновь, усердствуя, воззвал
 Для лавра нового, восторга и похвал.
 Они Отечество достойно славят оба;
 Но ты к пареню путь открыл свободный им:
 Мы нашим внучатам твой труд передадим

[Новоселье 1833: VI].

13 Имеется в виду цензурный устав 1828 года, более разумный и гибкий, чем «чугунный» устав 1826 года. Ср. с вариантом того же тоста: «Здравие государя императора, сочинителя прекрасной книги “Устав цензуры”» [КВС 1982: 91].

14 «Перемирие» между представителями враждующих литературных лагерей за столом у Смирдина было достаточно условным. Так, Пушкин не удержался от шуточного выпада против Булгарина и Греча, сравнив сидевшего между ними цензора В.Н. Семенова с Христом, распятым меж двух разбойников [Рассказы 1870: 570].

Употребление в этом контексте слова «юбилей» выглядит несколько курьезным. Ранее в России юбилеями именовались лишь знаменательные даты в жизни царствующего дома и высочайше опекаемых заведений. Под такое определение новоселье лавки Смирдина определенно не попадало. Хвостов, однако, толкует понятие «юбилей» расширительно, вкладывая в него значение «редкий, особо значимый праздник»¹⁵.

Между процессом становления самосознания литературного сообщества и коммерчески успешным предприятием Смирдина в самом деле прослеживается прямая связь. Литературное сообщество строилось не как кружок «угодников русских муз», а как профессиональная корпорация. Примерно через год Ф.В. Булгарин, констатируя профессионализацию литературного труда, провозгласит возникновение в России «сословия литераторов», существующего «независимо от других сословий» и посвятившего себя «исключительно обработке одной отрасли» [Булгарин 1833: 1187]. «Сословиям» такого рода присуще сознание группового единства, важности общего дела, уважение к своему прошлому и к профессиональным авторитетам. Таким безусловным живым авторитетом практически для всех русских литераторов, к какому бы лагерю они ни принадлежали, еще с середины 1820-х годов был Крылов. Не случайно первым публичным празднеством «сословия литераторов» и одновременно актом официального признания литературы как реальной общественной силы стало празднование его литературного юбилея в начале 1838 года.

4

Замысел почтить Крылова особым праздником от имени литературного сообщества зародился в начале ноября 1837 года и в своем развитии претерпел целый ряд изменений.

По всей вероятности, первоначальным толчком послужил следующий крупный литературный обед, данный Воейковым и его коммерческим партнером, купцом 1-й гильдии В.Г. Жуковым, 6 ноября 1837 года по случаю открытия ими собственной типографии. Приглашены были практически все петербургские литераторы, за исключением Греча, Булгарина и О.И. Сенковского — личных врагов Воейкова. Среди гостей был и Крылов, которому за столом по традиции отвели почетное место.

Литературная борьба к этому времени достигла такого накала, что примирения «партий», хотя бы временного, на обеде не произошло. То, что «литературные аристократы» и их антагонисты, представители «литературной промышленности», держались подчеркнуто обособленно, отмечают сразу несколько мемуаристов [Сахаров 1873: 942]; [Панаев 1988: 109]. Натянутые отношения между гостями дали о себе знать в неожиданно возникшей «борьбе тостов»: в ответ на произнесенный А.В. Никитенко тост за Иоганна Гутенберга, изобретателя книгопечатания, Н.В. Кукольник, И.П. Сахаров, Н.А. Полевой и др. потребовали пить за русского первопечатника Ивана Федорова. Вскоре, когда большинство «аристократов» уже покинули собрание, начался, по красноречи-

15 Позднее близкое значение зафиксировал в своем словаре В.И. Даль, иллюстрируя его режущими современным слух словосочетаниями «юбилей пятидесятилетия службы» и «юбилей тысячелетия Руси».

вым описаниям И.И. Панаева и того же Сахарова, разгул, сопровождавшийся аффектированными демонстрациями «русскости» вплоть до пляски впрыска.

По меркам других литературных обедов, затея Воейкова закончилась полным провалом. Его обед, устроенный, в отличие от рафинированного праздника у Смирдина, в нарочито трактирном стиле, свелся к заурядной попойке¹⁶. Однако заслуживает внимания всплеск патриотических чувств, его завершивший. Так проявился один из важнейших аспектов развития самосознания русского литературного сообщества — поиск адекватного выражения национального характера.

Уже на следующий день, 7 ноября, беллетрист и переводчик В.И. Карлгоф принимал обычных посетителей своего салона: Кукольника, Е.Ф. Розена, К.П. Брюллова и др., а также Крылова. Сам хозяин и большинство гостей побывали у Воейкова и, несомненно, находились под свежим впечатлением. Хотя атмосфера семейного обеда в присутствии хозяйки дома радикально отличалась от той, которая царила накануне, не будет натяжкой предположить, что вопрос о национальном духе отечественной словесности и здесь волновал собравшихся. Но теперь центром внимания стал Крылов.

За четыре с небольшим месяца до описываемых событий в московском журнале «Живописное обозрение» была опубликована биографическая заметка о нем, в которой говорилось: «Имя Ивана Андреевича Крылова знакомо каждому грамотному русскому. Кто не знает нашего неподражаемого баснописца, нашего Лафонтена, философа народного? Кто не прочтет нам наизусть хоть нескольких басен его? Кто не говорит, часто сам не замечая того, выражениями басен Крылова?.. Эти выражения сделались народными пословицами и, заключая в себе умную правду, в самом деле заменяют для народа нравственную философию. Надобно прибавить, что едва ли кто из русских писателей пользовался такою славою, как И.А. Крылов» [Живописное обозрение 1837: 22]. В этом каскаде восторженных характеристик выразилось уже сложившееся восприятие Крылова как национального классика, признанного олицетворения русского начала в литературе.

Автор статьи в «Живописном обозрении», Николай Полевой, вечером 7 ноября был среди гостей Карлгофа. Он мог напомнить присутствующим о том, что приближается день рождения Крылова: в его заметке утверждалось, что баснописец родился 2 февраля 1768 года [Там же], из чего следовало, что вскоре ему исполнится 70 лет.

«Посреди оживленного застольного разговора муж мой взял Крылова за руку и сказал, что имеет до него просьбу. Тот отвечал, что непременно исполнит ее, если это только в его воле. “Так вы будете у нас обедать второго февраля?” Крылов немного задумался, наконец смекнул, в чем дело, поблагодарил моего мужа и обещал быть у нас 2 февраля. Мы тут же пригласили на этот день всех присутствующих», — вспоминала супруга Карлгофа, Елизавета Алексеевна [Карлгоф 1881: 10, 723]¹⁷.

Таким образом, первоначальный замысел крыловского праздника укладывался в традиционную рамку званого обеда в частном доме. В семействе Карл-

16 Краткое сопоставление обедов у Смирдина и Воейкова дано в историко-краеведческой работе [Сидоренко 2012].

17 О высокой достоверности этих мемуаров, основанных на дневниковых записях автора, см.: [Ильин-Томич 1992: 181–182].

гоф подобные обеды не были редкостью. Согласно мемуарам хозяйки дома, 28 января 1836 года в честь прибытия в Петербург Д.В. Давыдова они собрали у себя всю «литературную аристократию», в том числе Крылова. Впрочем, никакого специального чествования знаменитого гостя в тот вечер не происходило: за столом «много толковали о мнимом открытии обитаемости Луны», беседовали о литературе и читали стихи — однако вовсе не Давыдова [Там же: 9, 151—152]. Еще один подобный обед был дан примерно через год, в начале Великого поста 1837-го по случаю переезда в столицу состоятельного и просвещенного москвича Ю.Н. Бартенева: этот обед, по свидетельству той же Карлгоф, был замечателен присутствием на нем «литераторов всех партий» [Там же: 10, 714].

Шутливо-фамильярное предложение Карлгофа недаром озадачило баснописца: как и немалая часть его современников, он не имел обыкновения отмечать день своего рождения. Между тем для самого хозяина дома эта мысль была вполне естественной: ему, в силу немецкого происхождения, была близка протестантская праздничная культура, заметно отличавшаяся от тогдашней православной. Прием в честь Крылова, несомненно, послужил бы украшением литературного салона Карлгофов; были все основания рассчитывать, что именитый поэт примет приглашение, поскольку дом Олениных, где он на протяжении многих лет был своим человеком, из-за тяжелой болезни хозяйки надолго закрылся для гостей¹⁸.

Так уникальное стечение целого ряда обстоятельств открыло новую перспективу литературного бытия Крылова. Отныне его имя и репутация зажили отдельной жизнью, в которой формальный повод биографического характера приобретал большее значение, чем привычки и намерения самого поэта.

5

«В январе мы начали уже помышлять об обеде, который хотели дать у себя в день рождения Ивана Андреевича <...> Мы часто говорили с мужем об этом обеде, начали даже делать список тех, кого хотели пригласить», — вспоминала Е.А. Карлгоф [Там же: 10, 727]. Но этим планам не суждено было реализоваться.

17 декабря 1837 года в Петербурге произошел катастрофический пожар Зимнего дворца, и общественная атмосфера в городе резко изменилась. В годовом отчете III Отделения подчеркивалось: невиданное бедствие «послужило новым доказательством того сердечного участия, которое народ всегда принимает и в радостях, и в печалях венценосцев своих. <...> Горесть сия глубоко и искренно разделялась всеми сословиями жителей. <...> На другой же день купечество здешнее и некоторые дворяне просили принять пожертвования их на постройку дворца» [Россия под надзором 2006: 156—157]. Все это окрасило конец 1837 и начало 1838 годов в экстатически яркие официозно-патриотические тона (см.: [Майофис 2009]).

На таком фоне власть неожиданно продемонстрировала глубокое недоверие к литературному сообществу. В отличие от купечества, дворянства и про-

18 Е.М. Оленина скончалась 3 июля 1838 года, через пять месяцев после того, как был отмечен юбилей Крылова.

стого народа, которым не возбранялось проявлять верноподданнические чувства, журналисты и писатели, вследствие жестких цензурных ограничений на упоминание пожара в печати, оказались практически лишены возможности выразить свою общественную позицию. Ощущение принудительной исключенности, очевидно, резко усилило стремление литераторов к официальному признанию их «сословия», обладающего, подобно другим общественным группам, собственной, весьма значимой для государства миссией. И здесь фигура Крылова оказалась идеальным объектом, вокруг которого литературное сообщество могло сплотиться.

Не последнюю роль в том, что возникла сама возможность подобной консолидации, сыграло отсутствие Пушкина. С его гибелью нарождающаяся корпорация лишилась альтернативного «центра силы», олицетворявшего индивидуалистическое начало в литературе, подчеркнутое «самостоянье» писателя, в том числе и по отношению к власти. «Пушкин соединял в себе два единых существа: он был великий поэт и великий либерал», — формулировка из отчета III Отделения за 1837 года [Россия под надзором 2006: 165] отразила представление о двойственности Пушкина, отчетливо контрастировавшее с распространенным представлением о единоцельности Крылова. Подчеркнуто лояльный Крылов, живое воплощение патриархальной народности, остался после смерти Пушкина единственным безусловным авторитетом.

Во второй половине января 1838 года происходит знаменательная трансформация замысла, родившегося у Карлгофов. В кружке Кукольника возникает идея вместо частного обеда по случаю дня рождения баснописца устроить публичное празднование юбилея его литературной деятельности.

«В начале 1838 года Крылов в разговорах как-то вспомнил, что за *пятьдесят* лет пред сим, именно в феврале 1788 года, он напечатал первую свою статью в “Почте духов”. При рассказе об этом в пиитической голове Н.В. Кукольника вспорхнула счастливая мысль юбилея ветерана русской словесности», — сообщил семь лет спустя Булгарин ([Булгарин 1845: 35]; курсив автора. — *Е.Л., Н.С.*)¹⁹. Сейчас первой публикацией Крылова считается басня «Стыдливый игрок», опубликованная как раз в 1788 году, правда, не в «Почте духов» (этого журнала еще не существовало), а в «Утренних часах», и не в феврале, а в мае. Между тем, авторы всех статей о юбилее, вышедших по горячим следам, упорно умалчивали о том, какое именно произведение знаменитого баснописца было взято за точку отсчета. Очевидно, что в вопросе о дате начала литературной деятельности Крылова в тот момент не было ясности.

Наряду с булгаринской версией вступления Крылова на поприще литературы имела хождение еще одна. По свидетельству Лобанова, примерно в 1836 году он обнаружил юношескую трагедию Крылова «Филомела», которая считалась утраченной, и датировал ее 1786 годом [КВС 1982: 53, 55]. П.А. Плетнев в биографии Крылова, создававшейся в те же годы, когда над своими воспоминаниями работали Булгарин и Лобанов, прямо связал это библиографическое открытие с юбилеем (спутав, впрочем, дату публикации трагедии с датой ее написания): «Хотя еще с лишком за год перед тем совершилось пятидесятилетие со времени появления его “Филомелы” в печати, но вспомнили о том только по случаю приближавшегося дня его рождения» [Там же: 224—225].

19 С «Почтой духов», начавшей выходить в январе 1789 года, связывал первые шаги Крылова в литературе и С.Н. Глинка [КВС 1982: 191].

В итоге неуверенность организаторов ощутима даже в официальном наименовании юбилейного праздника, данного Крылову, — «день его рождения и совершившегося пятидесятилетия его литературной деятельности» (курсив наш. — *Е.Л., Н.С.*). Невнятность повода, однако, не помешала им воспользоваться.

Заметим, что европейская практика того времени еще не знала такого типа юбилея, как 50-летие литературной деятельности. Сама мысль интерпретировать литературное творчество как профессиональную деятельность и, соответственно, применить к нему обычай празднования профессиональных юбилеев была в высшей степени новаторской. Символический переход от домашнего формата празднования к публичному означал легитимацию в глазах власти и в общественном сознании всего литературного «сословия» как профессиональной корпорации, а самой литературы — как общественного служения.

Симптоматично, что эта идея родилась не в кругу «литературных аристократов», к которому баснописец был традиционно близок, а у литераторов «торгового», т.е. сугубо профессионального, направления. В Крылове они в первую очередь видели не старого друга, не уникальную, в высшей степени сложную личность, а символическую фигуру «знаменитого русского баснописца». Общеизвестная индифферентность Крылова, его подчеркнутое дистанцирование от любой борьбы и конфликтов также были им на руку. В том, что Крылов примет предложенную ему игру, от кого бы она ни исходила, можно было не сомневаться. Куда труднее было предвидеть, что за право реализовать этот смелый замысел очень скоро разгорится нешуточная борьба.

6

Источники, освещающие ближайшую предысторию крыловского юбилея, хорошо известны: это объяснительная записка Греча на имя Л.В. Дубельта, написанная вскоре после праздника, его позднейшие воспоминания [Греч 1930: 826—828, 624—628], а также цитировавшиеся записки Е.А. Карлгоф. Сюда следует добавить дело III Отделения «О праздновании 50-летнего юбилея баснописца Крылова обществом здешних литераторов и художников» [О праздновании 1838], еще не введенное в научный оборот.

По утверждению Греча, мысль об устройстве в честь Крылова юбилейного торжества была впервые высказана 19 января 1838 года «в дружеской беседе литераторов и художников у Н.В. Кукольника» (впоследствии Греч приписывал авторство этой идеи одному себе). По аналогии с докторскими юбилеями было предложено сформировать организационный комитет, в который из завсегдагаев кукольниковского кружка вошли К.П. Брюллов и сам Греч, а заочно были записаны «аристократы» А.Н. Оленин, В.А. Жуковский и Мих.Ю. Виельгорский. Первый, очевидно, как начальник Крылова по службе, его друг и покровитель; второй — как самая авторитетная после юбиляра фигура литературного Петербурга, человек, связанный с Крыловым многолетним знакомством и приятель; наконец, последний — как лицо того же круга, имевшее немалый вес при дворе, и вдобавок композитор-любитель. По-видимому, замысел юбилея с самого начала предполагал чествование поэта написанными на этот случай куплетами. Отсутствовавшая в чопорных юбилеях врачей, эта артистическая деталь была позаимствована от праздников в честь Брюллова

и Глинки. Неясным остается вопрос о причастности к первоначальному комитету Карлгофа. Греч называет его в числе организаторов, однако в воспоминаниях Е.А. Карлгоф подчеркивается, что они с мужем узнали о том, что задуманный ими обед не состоится, лишь тогда, когда уже началась подготовка к юбилейному празднеству.

Первым делом «надлежало испросить соизволение начальства» [Греч 1930: 826]. Высочайшее разрешение на публичное празднование юбилеев получали и медики, причем через «профильное» ведомство — Министерство внутренних дел. Какому же ведомству следовало заниматься юбилеем литератора? Непосредственное отношение к словесности имело Министерство народного просвещения, ведавшее цензурой, однако с министром С.С. Уваровым и у Кукольника, и у Греча были далеко не лучшие отношения. В то же время сознание новизны и потенциального общественного резонанса от планируемого торжества обращало их взоры к III Отделению, тем более что с этим ведомством у членов кружка сложились тесные контакты. «Что было ближе, — замечает Греч, — как обратиться к находившемуся тут же старшему адъютанту Корпуса жандармов г. Владиславлеву, который охотно принял на себя довести о том до сведения графа А.Х. Бенкендорфа чрез начальника его штаба [Л.В. Дубельта]» [Там же].

По-видимому, 23 января Бенкендорф доложил об этой необычной инициативе Николаю I. Во всяком случае, этим числом датирована докладная записка, подготовленная в III Отделении:

3-го февраля текущего 1838 года совершается семидесятилетие жизни знаменитого нашего баснописца Ивана Андреевича Крылова и пятидесятилетие трудов его литературных, посвященных водворению нравственности, благих начал семейственной и гражданской жизни. В течение пятидесяти лет осчастливленный постоянным расположением монархов и всего августейшего императорского дома, осыпанный всеми знаками истинного уважения и благодарности от русской публики, знаменитый писатель испытал все роды славы, столь справедливо заслуженной; остается увенчать путь полезных трудов баснописца торжественным изъявлением общего уважения и благодарности от лица занимающихся литературою, искусствами и художествами, для которых И.А. Крылов оказал истинно полезные и важные услуги. Да позволено им будет по примеру врачей, торжествовавших юбилей маститых своих собратьев, поднести знаменитому баснописцу золотую медаль с приличными аллегорическими изображениями литературных его подвигов, надписями и портретом его; серебряную вазу с означением числа и случая и эти знаки душевного уважения и признательности литераторов и художников для большей торжественности поднести за особым обеденным столом в день рождения И.А. Крылова 3-го февраля 1838 в присутствии приглашенных важнейших государственных сановников, литераторов и художников.

Для устройства сего торжества предполагается создать комитет из действительного тайного советника А.Н. Оленина, тайного советника С.С. Уварова, графа М.Ю. Вильгельмского, В.А. Жуковского, П.А. Плетнева, П.А. Вяземского, графа Ф.П. Толстого, К.П. Брюллова, М.И. Глинка (sic!), Н.И. Греча и Д.И. Языкова» [О праздновании 1838: 1—2 об.].

В этом документе прежде всего обращает на себя внимание дата намеченного торжества — 3 февраля. Несомненно, инициаторам юбилея, в особенности Гречу как автору первой библиографической заметки о баснописце [Греч

1822: 302—303], было хорошо известно, что днем рождения Крылова считается не 3-е, а 2 февраля. Тем не менее во всех бумагах из дела III Отделения фигурирует именно 3 февраля. Возможно, это была ошибка, по недосмотру кочевавшая из документа в документ; возможно, дату осознанно пытались перенести²⁰, но в итоге праздник состоялся именно 2 февраля, как планировалось еще Карлгофами.

Докладная записка отражает не только план юбилея в том виде, каким он вышел из кружка Кукольника, но и изменения, внесенные в III Отделении. По-видимому, первоначально планируемое торжество должно было носить сугубо общественный характер; предполагалось дать Крылову обед «от лица занимающихся литературою, искусствами и художествами», в чем справедливо усматривается аналогия с «докторскими» юбилеями. Однако идея привлечения к участию в юбилейном празднестве «важнейших государственных сановников» могла возникнуть только у первых лиц III Отделения. Тем самым празднику придавалась отчетливо официозная окраска; по сути, он превращался в государственное чествование «огосударствленного» баснописца²¹.

На это указывают и изменения в составе комитета, в который были дополнительно включены лица, представлявшие «профильные» ведомства, а именно Уваров (министр просвещения), Толстой (вице-президент Академии художеств и известный медальер, автор работ, посвященных победам русского оружия), Языков (непременный секретарь Российской академии, в связи с тяжелой болезнью президента А.С. Шишкова взявший на себя все представительские функции). Помимо них, в комитет были введены: Глинка (очевидно, как фигура, олицетворявшая национальный подъем русской музыки), Плетнев, занимавший кафедру русской словесности Санкт-Петербургского университета, и Вяземский, сочетавший с литературной известностью высокий чин и должностное положение (статский советник, вице-директор департамента внешней торговли Министерства финансов). Вспомнив о том, что еще один член комитета, Брюллов, занимал в русской живописи то же положение, что Глинка — в музыке, констатируем, что готовился не просто праздник, а триумф национального значения.

При этом бросаются в глаза признаки неопытности организаторов в подобных делах. За полторы недели до намеченного торжества они заявляют о желании по примеру врачей поднести юбиляру именную медаль и вазу, хотя не только не существовало самих этих предметов, но и сбор средств, необходимых для их изготовления, даже не начинался и разрешение на соответствующую подписку не испрашивалось.

Уже на следующий день, 24 января, Бенкендорф оповестил о происходящем Уварова:

Милостивый государь Сергей Семенович!

Дошло до сведения государя императора, что общество здешних литераторов и художников по случаю совершения 3-го будущего февраля семидесятилетия

20 2 февраля — традиционно не присутственный день по случаю праздника Сретения Господня. Возможно, светское празднование в такой день первоначально показалось организаторам неуместным.

21 Авторы статьи работают над специальным исследованием, посвященным феномену «огосударствления» Крылова.

знаменитому нашему баснописцу и пятидесятилетия литературных его трудов намеревается праздновать сей день и за особенным обеденным столом, к которому будут приглашены знатнейшие государственные сановники, поднести ему золотую медаль и серебряную вазу.

Его императорское величество, совершенно одобряя таковое изъявление уважения и благодарности сему знаменитому писателю и желая равномерно оказать ему знак все милостивейшего своего внимания, повелел мне сообщить вашему превосходительству, дабы вы представили его величеству о награждении г. Крылова к означенному дню орденом.

Сим, исполняя высочайшую волю, имею честь быть с совершенным почтением и преданностью <...>

гр. Бенкендорф [О праздновании 1838: 3—3 об.]

К письму, видимо, была приложена приведенная выше докладная записка.

По форме вполне корректное, уведомление это на деле было крайне оскорбительно для адресата. Бенкендорф ясно дает понять, что именно он обладает прерогативой обсуждать с государем важные вопросы, касающиеся литераторов и литературы; самому же Уварову достается роль исполнителя высочайшего распоряжения, которое доводится до него через того же Бенкендорфа. При этом само выражение «дошло до сведения государя императора» содержит явственный намек на то, что министр народного просвещения не исполняет должным образом свои обязанности, вследствие чего о патриотической инициативе, возникшей в подведомственной ему сфере, вынужден докладывать глава III Отделения. Все эти колкости должны рассматриваться в контексте длительного и острого соперничества между Бенкендорфом и Уваровым²².

Письмо, без сомнения, взбесило адресата. Уклониться от реализации плана, уже получившего высочайшее одобрение, было невозможно, однако министр, не пожелав смириться с отведенной ему чисто технической ролью, незамедлительно предпринял усилия для того, чтобы взять процесс подготовки юбилея под свой контроль.

Сохранив официозно-патриотический характер празднества, приданный III Отделением, Уваров по-своему изменил состав комитета. В первую очередь, он мстительно вычеркнул оттуда Греча как виновника своего унижения. Далее, стремясь создать такой комитет, который за остававшуюся неделю справится с поставленной задачей, он избавился от фактически бесполезных, сутобо декоративных фигур и добавил тех, от кого можно было ожидать активных действий. В состав «уваровского» комитета по подготовке юбилея Крылова вошли Оленин, Виельгорский, Жуковский, Плетнев, Вяземский, Брюллов и В.Ф. Одоевский (последний — как представитель «младшего поколения литераторов»). Вместо самого себя Уваров ввел в комитет Карлгофа, который как раз в это время, оставив военную службу, переходил в Министерство народного просвещения и на днях должен был занять при министре место чиновника для особых поручений.

Новый состав организаторов принялся за работу, и это придало Уварову уверенности. 27 января он направляет Бенкендорфу весьма язвительное письмо:

---

22 Эта вражда обострилась осенью 1836 года в ходе дела о публикации Чаадаева в «Телескопе», длившегося более полугода; подробнее см.: [Велижев 2010: 28—33].

Милостивый государь граф Александр Христофорович.

На отношение вашего сиятельства от 25-го сего генваря № 285 о праздновании пятидесятилетнего литературного юбилея почтенного нашего Крылова имею честь вас, милостивый государь, уведомить, что по взятым мною справкам открывается, что мысль об этом празднестве родилась на частном обеде у полковника Карлгофа, где г. Кукольник предложил обратить этот день в торжественное собрание здешних литераторов, но что никаких распоряжений к сему не было сделано; еще менее имеется в виду серебряная ваза и золотая медаль, о которых упоминается в отношении вашего сиятельства, и что наконец, сколько я мог узнать, 3 февраля есть просто день рождения Крылова, а не пятидесятилетний его литературный юбилей.

Не желая, однако же, чтобы высокая и благодетельная мысль государя императора, изъявляющего таким образом свое особое покровительство российской словесности, могла быть оставленною без исполнения, я, с своей стороны, принимаю ныне надлежащие меры к тому, чтоб по подписке дан был обед Крылову 3-го февраля в зале Благородного собрания.

О всех сих обстоятельствах будет мною доведено до сведения его императорского величества. Считаю между тем долгом предуведомить о сем и ваше сиятельство [О праздновании 1838: 4—4 об.]

Отныне, подчеркивает Уваров, он будет действовать самостоятельно, не нуждаясь в посреднике в лице шефа жандармов.

К этому моменту была окончательно сформирована и официозная концепция юбилея Крылова как торжественной демонстрации «особого покровительства российской словесности», оказываемого верховной властью. Отсвет этого «особого покровительства», что немаловажно, падал и на самого Уварова как министра просвещения.

До намеченного праздника оставались считанные дни. О том, какую деятельность развил в это время комитет, вспоминала Е.А. Карлгоф: «Господа эти каждый день собирались у Оленина; князь Одоевский и мой муж приняли на себя все хлопоты и находились целые дни в разъездах. Я принимала живое участие во всех этих приготовлениях, помогала уговариваться с поваром, с кондитером, сообща сочиняли меню обеда. Разумеется, была стерляжья уха под именем Демьяновой Ухи и все, что можно было придумать тонкого, роскошного и вместе соответствующего гастрономическим вкусам Крылова. <...> Билет на праздник стоил, помнится мне, 30 рублей ассигнациями, но желавших было так много, что невозможно было всех удовлетворить. Число билетов было ограничено и предоставлено преимущественно литераторам и артистам» [Карлгоф 1881: 10, 727—728]. Очевидно, к моменту печатания билетов дата праздника уже была изменена с 3 февраля на 2-е.

Истинные же авторы идеи юбилея пребывали в полной растерянности. По словам Греча, после того как Кукольник узнал (очевидно, от знакомых в III Отделении), что их инициатива одобрена государем, они со дня на день ожидали официального уведомления, но вместо этого обнаружили, что их замысел присвоен Уваровым, а подготовкой юбилея Крылова занимаются совсем другие люди.

Последовавший за этим демарш оскорбленного Греча и поддержавшего его Булгарина, которые в знак протеста отказались присутствовать на юбилейном обеде, и разгоревшаяся газетная перепалка грозили разрушить то благост-

ное впечатление всеобщего единодушия, на котором зиждилась официальная версия крыловского праздника. Чтобы загасить скандал, Уварову пришлось обратиться к помощи Бенкендорфа (см.: [Греч 1830: 627]), а на публичное обсуждение обстоятельств, сопутствовавших организации юбилея Крылова, в России был на многие годы наложен негласный запрет.

7

Чествование Крылова все-таки состоялось в срок — вечером 2 февраля 1838 года. В залу Дворянского собрания съехалось около 300 человек, включая даже нескольких дам, которым были отведены места на хорах. Виновник торжества сидел напротив собственного мраморного бюста, как напротив прижизненного памятника. На особом столе лежали его сочинения в роскошных переплетах. Самые запоминающиеся атрибуты «докторских» юбилеев, дорогостоящую вазу и памятную медаль (они, конечно же, не были изготовлены в срок), с успехом заменил специфический символ литературной славы — лавровый венок. Помимо этих знаков общественного признания Крылов получил орден Св. Станислава второй степени, который ему прямо на празднике вручил сам Уваров. Участниками юбилейного обеда стали практически все находившиеся в столице русские литераторы. Между тем (и это придавало юбилею Крылова беспрецедентный характер государственного праздника) в числе гостей были председатель Государственного совета, военный министр, министр финансов, министр внутренних дел, министр государственных имуществ и глава III Отделения, а кроме того — великие князья Николай и Михаил, шести и пяти лет от роду. Наконец, куплеты Вяземского «На радость полувековую...», положенные на музыку Виельгорским, подарили баснописцу, по сути, второе имя — «дедушка Крылов», закрепившееся за ним, видимо, навечно. Текст куплетов, как и тексты речей, произнесенных Олениным, Жуковским, Одоевским и Уваровым, заранее одобренные цензурой, в самый день праздника были напечатаны отдельной брошюрой. Во всех речах подчеркивались глубина постижения Крыловым русского национального характера и громадное воспитательное значение его творчества. «Он перенесен <был> заживо в потомство и видел предназначенное ему место в веках» — так описывалась в прессе атмосфера крыловского юбилея [Булгарин 1845: 35].

Многое сближало это торжество с аналогичными праздниками в честь заслуженных врачей, а великолепие и официального почета на нем было гораздо больше, однако в глаза бросается существенное отличие — Крылов на собственном юбилее молчал. Искренне растроганный, он прослезился, но ни словом не ответил на обращенные к нему дифирамбы, а после в свойственном ему стиле иронизировал, жалуясь, что не смог как следует поеть, потому что «все время кланяться и благодарить приходилось» [КВС 1982: 277]. В столь необычном поведении юбиляра, вероятно, исподволь выразилось отчуждение от праздника, формально устроенного в его честь. В сущности, живой Крылов на собственном юбилее играл роль не большую, чем его мраморный бюст. Он и его творчество оказались лишь поводом для «великолепного патриотического обеда» (по выражению «Русского инвалида»), истинный смысл которого состоял в утверждении единства между властью и словесностью. Профессиональное «сословие» литераторов получило то, к чему стремилось, — офици-

альное признание и своего существования, и государственной важности, полезности своей деятельности. «В лице Крылова государь наградил всю русскую литературу» — этот вывод, сделанный через несколько дней «Северной пчелой» [СПЧ 1838: 125], очевидно, и следует считать наилучшим резюме юбилея баснописца.

Библиография / References

- [Аржанов 2011] — *Аржанов Вас. [В.И. Беликов]* Празднуем рождение или смерть? Что мы понимаем под юбилеем // Учительская газета. 2011. №12. 22 марта. С. 89—90.
- (*Arzhanov Vas. [V.I. Belikov]* Prazdnuem rozhdenie ili smert'? Chto my ponimaem pod yubileem // Uchitel'skaya gazeta. 2011. № 12. March 22. P. 89—90.)
- [Бестужев 1926] — Памятная книжка А.А. Бестужева 1824 г. // Памяти декабристов. Вып. 1. Л., 1926. С. 59—70.
- (*Pamyatnaya knizhka A.A. Bestuzheva 1824 g.* // Pamyati dekabristov. Issue 1. Leningrad, 1926. P. 59—70.)
- [Бестужев 1958] — Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому (1823—1825) // Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М.; Л., 1958. С. 191—230.
- (*Pis'ma A.A. Bestuzheva k P.A. Vyazemskomu (1823—1825)* // Literaturnoe nasledstvo. Vol. 60. Book 1. Moscow; Leningrad, 1958. P. 191—230.)
- [Брюллов 1952] — К.П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников / Сост. Н.Г. Машковцев. М., 1952.
- (*K.P. Bryullov v pis'makh, dokumentakh i vospominaniyakh sovremennikov* / Ed. by N.G. Mashkovtsev. Moscow, 1952.)
- [Булгарин 1833] — *Булгарин Ф.* Об общепольном предприятии книгопродавца А.Ф. Смирдина. (Окончание) // Северная пчела. 1833. № 300. 30 декабря. С. 1186—1188.
- (*Bulgarin F.* Ob obshchepoleznom predpriyatii knigoprodavtsa Smirdina // Severnaya pchela. 1833. № 300. P. 1186—1188.)
- [Булгарин 1845] — *Ф.В. Булгарин* Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений // Северная пчела. 1845. 12 января. № 9. С. 34—36.
- (*F.V. Bulgarin*) Vospominaniya ob Ivane Andreeviche Krylove i beglyy vzglyad na kharakteristiku ego sochineniy // Severnaya pchela. 1845. № 9. P. 34—36.)
- [Велижев 2010] — *Велижев М.Б.* Петр Яковлевич Чаадаев // Чаадаев П.Я. Избранные труды. М., 2010. С. 5—34.
- (*Velizhev M.B.* Piotr Yakovlevich Chaadaev // Chaadaev P. Ya. Izbrannye trudy. Moscow, 2010. P. 5—34.)
- [Греч 1822] — *Греч Н.И.* Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822.
- (*Grech N.I.* Opyt kratkoj istorii russkoj literatury. Saint Petersburg, 1822.)
- [Греч 1832] — *Греч Н.* Письмо к В.А. Ушакову // Северная пчела. 1832. № 45. 26 февраля. Л. 1—2.
- (*Grech N.* Pis'mo k V.A. Ushakovu // Severnaya pchela. 1832. № 45. Fol. 1—2.)
- [Греч 1930] — *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1933.
- (*Grech N.I.* Zapiski o moej zhizni. Moscow; Leningrad, 1933.)
- [Гриц, Тренин, Никитин 1929] — *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция (Книжная лавка А.Ф. Смирдина). М.: Федерация, 1929.
- (*Grits T., Trenin V., Nikitin M.* Slovesnost' i kommersiya. Moscow, 1929.)
- [Друг здравия 1836, 1837] — Друг здравия. 1836. № 42; 1837. № 31.
- (*Drug zdравиya.* 1836. № 42; 1837. № 31.)
- [Живописное обозрение 1837] — [Полевой Н.А.] Иван Андреевич Крылов // Живописное обозрение достопамятных предметов наук, искусств, художеств... 1837. Ч. 3. С. 22—24.
- (*Polevoj N.A.* Ivan Andreevich Krylov // Zhivopisnoe obozrenie dostopamyatnykh predmetov nauk, iskusstv, khudozhestv... 1837. Part 3. P. 22—24.)
- [Жихарев 1955] — *Жихарев С.П.* Записки современника. М.; Л., 1955.
- (*Zhikharev S.P.* Zapiski sovremennika. Moscow; Leningrad, 1955.)
- [Извлечение 1889] — Извлечение из журнала гг. старшин Московского Английского клуба со дня открытия оного, то есть с 1802-го года, обстоятельство почему-либо достопамятных // Русский архив. 1889. Кн. 2. Вып. 5. С. 86—98.

- (Izvlечhenie iz zhurnalov gg. starshin Moskovskogo Anglijskogo kluba so dnia otkrytiya onogo, to est' s 1802 goda, obstoyatel'stv pochemu-libo dostopamyatnykh // Russkij arkhiv. 1889. Book 2. Issue 5. P. 86—98.)
- [Ильин-Томич 1992] — *Ильин-Томич А.А.* Драшусова Елизавета Алексеевна // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1992. С. 181—182.
- (*Il'in-Tomich A.A.* Drashusova Elizaveta Alekseevna // *Russkie pisateli 1800—1917: Biograficheskiy slovar'*. Vol. 2. Moscow, 1992.)
- [КВС 1982] — И.А. Крылов в воспоминаниях современников / Подгот. А.М. Гордин, М.А. Гордин. М., 1982.
- (*I.A. Krylov v vospominaniyakh sovremennikov* / Ed. by A.M. Gordin, M.A. Gordin. Moscow, 1982.)
- [Карлгоф 1881] — [Драшусова-Карлгоф Е.А.] Жизнь прожить — не поле перейти. Записки неизвестной // Русский вестник. 1881. № 9. С. 140—176; № 10. С. 710—741.
- (*Drashusova-Karlgof E.A.* Zhizn' prozhit' — ne pole perejti. Zapiski neizvestnoj // *Russkij vestnik*. 1881. № 9. P. 140—176. № 10. P. 710—741.)
- [Келлер 2001] — *Келлер Е.Э.* Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. СПб., 2001.
- (*Keller E.E.* Prazdnichnaya kultura Sankt-Peterburga. Saint Petersburg, 2001.)
- [Корф 2010] — *Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 годов. М., 2010.
- (*Korf M.A.* Dnevniky 1838 i 1839 godov. Moscow, 2010.)
- [МВед 1836] — Московские ведомости. 1836. № 11. 5 февраля.
- (*Moskovskie vedomosti*. 1836. № 11. 5 February.)
- [Майофис 2009] — *Майофис М.* Чему способствовал пожар? «Антикризисная» российская публицистика 1837—1838 годов как предмет истории эмоций // ИЛО. 2009. № 100. С. 156—183.
- (*Mayofis M.* Chemu sposobstvoval pozhar? "Antikrizisnaya" rossiyskaya publitsistika 1837—1838 godov kak predmet istorii emotsiy // *ILO*. 2009. № 100. P. 156—183.)
- [Молва 1833] — Молва. 1833. № 44. 13 апреля.
- (*Molva*. 1833. № 44. 13 April.)
- [Никитин 1837] — А.Н. [Никитин А.Н.] Письмо к приятелю в деревню о праздновании пятидесятилетнего юбилея г-на тайного советника лейб-медика И.Ф. Рюля // Северная пчела. 1837. № 166. 27 июля. С. 663—664.
- (*A.N. [Nikitin A.N.]* Pis'mo k priyatelju v derevniu o prazdnovanii pyatidesyatiletnego yubileya g-na tajnogo sovetnika lejb-medika I.F. Ryulya // *Severnaya pchela*. 1837. № 166. P. 663—664.)
- [Новоселье 1833] — Новоселье. СПб., 1833.
- (Novosel'e. Saint Petersburg, 1833.)
- [ОВ 1836] — Одесский вестник. 1836. № 2. 4 января.
- (*Odesskij vestnik*. 1836. № 2.)
- [О праздновании 1838] — О праздновании 50-летнего юбилея баснописца Крылова обществом здешних литераторов и художников // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 68. 2-я экспедиция. № 40.
- (*O prazdnovanii 50-letnego yubileya basnopistsa Krylova obshchestvom zdeshnikh literatorov i khudozhnikov* // *GARF*. F. 109. Op. 68. 2-ya ekspeditsiya. № 40.)
- [Описание торжества 1834] — Описание торжества, бывшего в сей столице по случаю открытия бюста его сиятельства... Голицына... // Московские ведомости. 1834. № 42. 26 мая. С. 1989—1992.
- (*Opisanie torzhestva, byvshego v sej stolitse po sluchayu otkrytiya byusta ego siyatel'stva...* Golitsyna // *Moskovskie vedomosti*. 1836. № 42. 26 May. P. 1989—1992.)
- [ПСЗ 1833] — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 7. 1832 г. СПб., 1833.
- (*Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. 2nd Collection. Vol. 7. Saint Petersburg, 1833.)
- [Панаев 1988] — *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988.
- (*Panaev I.I.* Literaturnye vospominaniya. Moscow, 1988.)
- [Пятидесятилетие 1838] — Пятидесятилетие заслуженного профессора, академика, действительного статского советника и кавалера Петра Андреевича Загорского. СПб., 1838.
- (*Pyatidesyatiletie zasluzhennogo professora, akademika, dejstvitel'nogo statskogo sovetnika i kavadera Petra Andreevicha Zagorskogo*. Saint Petersburg, 1838.)
- [РИнв 1832] — Русский инвалид. 1832. 22 февраля. № 46.
- (*Russkij invalid*. 1832. 22 February. № 46.)
- [Рассказы 1870] — Рассказы о Пушкине // Русская старина. 1870. С. 570—571.
- (*Rasskazy o Pushkine* // *Russkaya starina*. 1870. P. 570—571.)
- [Рейтблат 2014] — *Рейтблат А.И.* Русская литература как социальный институт // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 11—32.
- (*Reytblat A.I.* Russkaya literatura kak sotsial'nyj institut // *Reytblat A.I. Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury*. Moscow, 2014. P. 11—32.)
- [Россия под надзором 2006] — Россия под надзором: Отчеты III Отделения. 1827—

- 1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакoва. М., 2006.
- (Rossija pod nadzorom: Otchety III Otdeleniya. 1827—1869 / Ed. by M.V. Sidorova, E.I. Shcherbakova. Moscow, 2006.
- [СПч 1838] — Северная пчела. 1838. № 32. 8 февраля.
- (Severnaya pchela. 1838. № 32. 8 February.)
- [Сахаров 1873] — *Записки И.П. Сахарова* // Русский архив. 1873. № 6. Стлб. 941—986.
- (Zapiski I. P. Sakharova // Russkij arkhiv. 1873. № 6. Stlb. 941—986.)
- [Сидоренко 2012] — *Сидоренко Л.* Два обеда // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. № 46. 30 ноября. С. 5.
- (Sidorenko L. Dva obeda // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 2012. № 46. November 30. P. 5.)
- [Сторожев 1916] — История Московского купеческого общества. 1863—1913 / Под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 2. Вып. 1. М., 1916.
- (Istoriya Moskovskogo kupecheskogo obshchestva. 1863—1913 / Ed. By V.N. Storozhev. Vol. 2. Issue 1. Moscow, 1916.)
- [Уортман 2002] — *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002.
- (Wortman R. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. Moscow, 2002. — In Russ.)
- [ХГ 1836] — Художественная газета. 1836. № 1. (Khudozhestvennaya gazeta. 1836. № 1.)
- [Цимбаев 2012] — *Цимбаев К.Н.* Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 332—347.
- (Tsimbaev K.N. Rekonstruktsiya proshlogo i konstruirovaniye budushchego v Rossii XIX veka: opyt ispol'zovaniya istoricheskikh yubileev v politicheskikh tselyakh // Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii. Formirovaniye predstavleniy o proshlom. Moscow, 2012. P. 332—347.)
- [Штейнпресс 1950] — *Штейнпресс Б.С.* Глинка, Верстовский и другие // М.И. Глинка. Исследования и материалы. М.; Л., 1950. С. 120—169.
- (Shteynpress B.S. Glinka, Verstovskiy i drugie // M.I. Glinka. Issledovaniya i materialy. Moscow; Leningrad, 1950. P. 120—169.)
- [Müller et al. 2003] — Das historische Jubiläum / W. Müller, W. Flügel, I. Loosen, U. Rosseaux (Hrsg.). Berlin, 2003.
- [Münch 2005] — Jubiläum, Jubiläum... Zur Geschichte öffentlicher und privater Erinnerung / P. Münch (Hrsg.). Essen, 2005.